

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ДЕЙСТВИЙ, ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Регламентация уголовной ответственности за действия, дезорганизирующие функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы, в Российской Федерации и Республике Беларусь на протяжении чуть более 20 лет не претерпела серьезных изменений, несмотря на значительное количество проведенных научных исследований по данной проблематике в Союзном государстве. Диспозиции статей Уголовных кодексов Республики Беларусь и Российской Федерации, описывающие данные преступления, требуют корректировки, что в числе прочего обусловлено достаточно сложной криминогенной обстановкой, характерной для мест содержания лиц, отбывающих уголовное наказание либо заключенных под стражу. Немаловажным аспектом является и гармонизация действующего уголовного законодательства в контексте качественного повышения эффективности борьбы с преступностью в двух государствах.

Необходимо особо отметить, что объективные элементы и признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ и ст. 410 УК Республики Беларусь, их содержание и особенности в контексте сравнительно-правового анализа имеют ключевое значение для перспектив исследуемого состава преступления, вклада в развитие национального законодательства двух государств, а также уяснения отдельных вопросов, связанных с квалификацией и разграничением рассматриваемого общественно опасного деяния и иных преступлений. Достаточно важным является раскрытие альтернативных деяний, составляющих в настоящее время сущность дезорганизации деятельности исправительных учреждений, а также содержания термина «дезорганизация» как такового, особенности его выражения по уголовному законодательству двух государств исходя из подходов судов при рассмотрении уголовных дел соответствующей категории. Следует отметить, что отсутствие в диспозиции соответствующих статей дефиниции «дезорганизация», ее признаков обуславливает неясность как с практических, так и с теоретических ракурсов обозрения данного вопроса.

При рассмотрении содержания двух основных составов анализируемых преступлений следует обратить внимание на перечень учреждений, деятельность которых может быть дезорганизована соответствующим преступным посягательством. В ст. 321 УК РФ законодателем чуть шире указан круг учреждений, сотрудники которых подлежат уголовно-правовой охране. В то же время в УК Республики Беларусь не так полно учитывается разнообразие звеньев уголовно-исполнительной системы, отсутствует указание на места содержания под стражей, что достаточно важно в контексте борьбы с данным рода преступными посягательствами, сходных сфер правового регулирования с учетом тождественного характера соответствующих общественных отношений.

Однако название ст. 410 УК Республики Беларусь в полной мере коррелирует с содержанием диспозиции в контексте места совершения и лиц, в отношении которых осуществляется преступное посягательство. Исходя из содержания вышеуказанной статьи, а также действующего уголовно-исполнительного законодательства (ст. 64 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь), подлежат уголовно-правовой охране отношения в сфере функционирования: исправительных колоний всех видов (исправительные колонии-поселения; исправительные колонии для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы; исправительные колонии для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы; исправительные колонии особого режима), воспитательных колоний, тюрем, лечебных исправительных учреждений, следственных изоляторов (только для лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы и оставленных в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию), арестных домов. Вместе с тем название ст. 321 УК РФ не в полной мере соответствует содержанию диспозиции. В названии говорится об ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, а в ч. 1 рассматриваемой статьи речь идет об учреждениях или органах уголовно-исполнительной системы, что необоснованно широко позволяет толковать возможные места совершения преступления. Присутствует также рассогласованность ч. 1 с содержанием ч. 2, где речь идет уже о местах лишения свободы или содержания под стражей.

Разумеется, имеет принципиальное значение учет характера и изменяющейся специфики учреждений, входящих в уголовно-исполнительную систему, в двух государствах. Целесообразным, исходя из этого, представляется дополнение иными категориями учреждений, деятельность которых будет подлежать уголовно-правовой охране от преступлений, предусмотренных ст. 410 УК Республики Беларусь и ст. 321 УК Российской Федерации. В связи с чем для более эффективной и гибкой уголовно-правовой охраны функционирования отдельных учреждений уголовно-исполнительной системы (например, лечебно-трудовые профилактории, исправительные учреждения открытого типа в Республике Беларусь, исправительные центры в Российской Федерации, а также места содержания под стражей, упорядоченная деятельность отдельных из которых не подпадает под охрану рассматриваемой статьи) полагаем необходимым расширить перечень учреждений, исполняющих наказания, иные меры государственного принуждения, используя более обобщенные категории. Наиболее удачной для унифицированной статьи в УК двух государств будет словосочетание «учреждения уголовно-исполнительной системы (места содержания под стражей)», так как это позволит охватить все существующие, а также, что немаловажно, возможно появляющиеся в перспективе учреждения уголовно-исполнительной системы, места содержания под стражей.

Расширение основного непосредственного объекта рассматриваемого преступления путем гибкой формулировки учреждений также влечет за собой пересмотр категорий лиц, подлежащих уголовно-правовой охране и являющихся субъектами специфических правоотношений. Так, наиболее полной является формулировка «представитель администрации», закрепленная ст. 410 УК Республики Беларусь, которая по своему содержанию шире «сотрудника места лишения свободы или ме-

ста содержания под стражей», указанной в ст. 321 УК РФ, и включает в себя как сотрудников, имеющих специальные звания, так и неаттестованных служащих учреждения, которые также являются субъектами уголовно-исполнительных отношений, выполняют ряд функций по исполнению соответствующего судебного акта, являются лицами, непосредственно задействованными в исправительном процессе. Наряду с этим представляется верным использовать для определения потерпевшего со стороны спецконтингента словосочетания «лицо, содержащееся в учреждении уголовно-исполнительной системы (месте содержания под стражей)», что позволит решить, с одной стороны, проблемы, возникающие при квалификации и разграничении указанного общественно опасного деяния и иных преступных посягательств, а также распространить уголовно-правовую охрану на больший круг лиц соответствующих категорий.

УДК 343.296

Л.В. Павлова

МЕДИАЦИЯ В СВЯЗИ С СОВЕРШЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

В Республике Беларусь в 2021 г. на законодательном уровне произошло расширение сферы применения медиации как альтернативного способа урегулирования споров (конфликтов). Ранее возможности медиации использовались для разрешения споров, возникающих из гражданских правоотношений (включая касающиеся осуществления предпринимательской, иной хозяйственной (экономической) деятельности), и споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений. Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь внесены дополнения, легализовавшие проведение с участием медиатора переговоров в связи с совершенным преступлением и заключение медиативного соглашения по данным вопросам.

Принимая во внимание специфику публично-правовой сферы (поскольку, например, преступление не может быть рассмотрено как спор), был скорректирован понятийно-категориальный аппарат института медиации, что потребовало закрепления в ст. 6 УПК специальных дефиниций: медиативное соглашение – соглашение, заключенное в письменном виде между обвиняемым и потерпевшим по результатам переговоров, проведенных в порядке, предусмотренном законодательными актами, в целях содействия их примирению; медиатор – не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, отвечающее требованиям законодательства, участвующее в переговорах обвиняемого и потерпевшего в целях содействия их примирению; медиация – переговоры обвиняемого и потерпевшего с участием медиатора в целях содействия их примирению.

Нововведения оцениваются по-разному. В числе отрицательных отзывов указание на то, что исключена возможность учета медиативного соглашения, заключенного между сторонами, когда в уголовном процессе они пребывают в статусе подозреваемого и потерпевшего либо обвиняемого или подозреваемого и гражданского истца. В УПК недостаточно конкретизирован статус медиатора как участника уголовного процесса; не предусмотрены соответствующие права и обязанности, как это было сделано, например, в УПК Республики Казахстан; равно отсутствует возможность приостановления производства по уголовному делу в связи с проведением медиации; не были проработаны иные особенности функционирования системы правосудия в связи с проведением медиации. Изложенное оставляет открытым вопрос о появлении в белорусском уголовном процессе института медиации. Более верно заключить, что в уголовно-процессуальном законодательстве появились нормы о медиации. При этом данное положение дел не исключает дальнейшего успешного развития медиации в рассматриваемой сфере.

Классифицируя модели медиации, применяемые разными государствами, исходя из их связанности с уголовным процессом, возможно выделить процессуальные (включая судебные) и внепроцессуальные модели медиации. Первые, как правило, встроены в уголовный процесс, включают в себя детальную регламентацию взаимодействия медиатора и органа, ведущего уголовный процесс, определяют правовое значение достигнутого медиативного соглашения для решения вопроса об уголовной ответственности лица. И процессуальные, и внепроцессуальные модели имеют как определенные достоинства, так и недостатки. Выбор направления, в котором следует развивать медиацию, видится одной из первоочередных задач, которые следует решать, внедряя рассматриваемый институт в национальную правовую систему. Применительно к сложившемуся в Республике Беларусь варианту введения медиации возможно констатировать, что данная задача не была проработана должным образом. В настоящее время это затрудняет выработку предложений как по устранению имеющихся противоречий, так и по дальнейшему развитию медиации как включенного в уголовный процесс либо как внепроцессуального института.

Аналогично и в отечественной юридической литературе отсутствует единство в использовании выражений, например, встречаются: «институт медиации в уголовно-процессуальном законодательстве», «процедура медиации в уголовном процессе», «медиация в уголовном праве и уголовном процессе», «медиация в уголовных делах», «посредничество по уголовным делам», «уголовно-правовая медиация», «медиация в уголовном судопроизводстве (для разрешения уголовно-правовых конфликтов)», «медиация по урегулированию споров, возникающих из уголовно-правовых отношений». Некоторые из приведенных выражений распространяемы на широкий круг отношений, другие связаны с конкретными моделями медиации, что важно учитывать при проведении исследований и последующем внесении предложений. Достаточно универсальными являются выражения «медиация по уголовно-правовым конфликтам», «медиация для разрешения уголовно-правовых конфликтов», однако понятие «уголовно-правовой конфликт» еще не устоялось в понятийном аппарате законодательства по вопросам уголовной ответственности.

При обращении к правовому источнику международных рекомендаций по вопросам медиации установлено, что в тексте официального издания, представленного на английском языке, использованы выражения, не связанные ни с уголовными делами (criminal cases), ни с уголовным процессом (criminal justice process, etc.). Приведем название документа с сайта Совета